

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

“ЕСЛИ СОГРЕШИТ ПРОТИВ ТЕБЯ БРАТ...”

О новых веяниях мы часто узнаем от родителей наших маленьких пациентов. Причем не прямо, а косвенно: они вдруг начинают задавать какие-то странные вопросы. Вопросы на тему, еще недавно предполагавшую однозначное и очень простое решение и не требовавшую консультаций со специалистами. Когда такой странный вопрос озадачивает сразу многих людей, естественно предположить, что тут дело не в личностных особенностях вопрошающего, а в том, что обществу транслируется некая новая установка.

Что значит “прощать”?

Вот и в данном случае никто не приходил к нам с известием: дескать, представляете, по телевизору призывают окончательно распустить детей. Не только не наказывать за непослушание, но вообще, что бы они ни вытворяли, не фиксироваться, не замечать, вести себя так, будто ничего не произошло. Хотя подобные советы, вероятно, и мелькали. То ли в телепередачах, то ли в журналах, то ли и там, и сям. Потому что вдруг посыпались однотипные вопросы: должен ли провинившийся ребенок просить прощения и как быть, если он не хочет? Далее следуют столь же однотипные картины: ребенок (чаще подросток, но необязательно), когда что-то ему не по нраву, грубит, обзывается, делает назло, хлопает дверью. А потом приходит как ни в чем не бывало и, не предпринимая ни малейших попыток извиниться, о чем-то просит, что-то рассказывает... И так до следующего эксцесса.

Столкнувшись с неким неординарным явлением, человек обычно обращается к авторитетным источникам и/или к личному опыту, к личным воспоминаниям. Авторитетные источники (то есть классическая педагогика) учат безальтернативно требовать извинений за провинность и порицает родителей, которые этого не делают. “Извинись! Попроси прощения!” — один из самых частых императивов, без которого невозможно представить себе нормальное воспитание.

Личный опыт свидетельствует о том же. Мы не смогли вспомнить никого из друзей-приятелей детства, кто вел бы себя с родителями таким нахальным образом и ему бы это сходило с рук. Разве что в среде людей совсем некультурных или опустившихся можно было предположить подобное, но тут мы ничего определенного сказать не можем, поскольку в детстве нам в такой среде бывать не доводилось. Хотя круг общения у маленьких москвичей в 60-е годы, когда жили в коммуналках и когда дети очень много времени проводили во дворе, был гораздо шире, чем у современных ребят. В деревнях же в те годы воспитывали еще строже, чем в городе. Другое дело, что выражались там порой довольно забористо, а потому грубоватый тон и даже лексика

ребенка могли не восприниматься как провинность. Но на то, что считали провинностью, и не думали смотреть сквозь пальцы.

Однако мы не собираемся писать статью по педагогике. Пример с детьми, что называется, для затравки. Сейчас вышеописанное поведение портит жизнь не только родителям и присуще не только детям. Подобным образом нередко ведут себя взрослые, и недавняя аксиома, что провинившийся человек должен попросить прощения, сегодня уже не столь (извините за тавтологию) аксиоматична. Наоборот, это нужно доказывать, обосновывать, будто сложную теорему. И вовсе не факт, что твое доказательство сочтут убедительным. Наоборот, ты еще не успеешь выложить все аргументы, как тебя перебьют возражением: “Это же не по-христиански! Настоящие христиане должны всех прощать, причем сразу, не дожидаясь “прошения о прощении”. И прощать несчетное количество раз! Забыли, как Господь говорил: “До семидежды семи”? То есть практически до бесконечности!

Многие для усиления аргументации припоминают историю о блудном сыне: мол, отец выбежал ему навстречу и обнял. Значит, простил прежде, чем тот повинится! И, наконец, могут закончить свое контрдоказательство примером из жизни старцев. Скажем, как один монах обижал другого и не желал признавать себя виноватым. Тогда тот решил сам пойти к нему в келью и попросить прощения, что вызвал в нем гнев. Монах-обидчик, потрясенный смирением брата, мгновенно раскаялся, и они пали друг другу в ноги.

Воодушевленный подобными историями, человек пытается подражать смиренномудреным монахам, но сходного результата достигает далеко не всегда. Гораздо чаще, увы, современный обидчик не раскаивается, а, напротив, только утверждает в сознании своей правоты.

“А ты продолжай смиряться! — наставляют потерпевшего. — Он увидит твою кротость и, в конце концов, усомнится”.

Тот, внимая добрым советам, смиряется “до зела”, сносит пренебрежительное отношение, грубость, даже издевательства. И порой его смирение на самом деле бывает вознаграждено. Однако нередко обидчик только наглет. Или не наглет, но продолжает в том же духе, видя, что может это делать беспрепятственно.

И тогда “наставники” пускают в ход козырную аргумент, который неопровержим в принципе: “Значит, плохо молишься!”

Возразить нечего. Разве может кто-то сказать о себе, что молится хорошо? Ясное дело, наша молитва ни в какое сравнение не идет с молитвой святых. Уж если они считали себя недостойными, то куда нам. . .

Надо обладать стальной психикой или необыкновенно лучезарным характером, чтобы не впасть после этого в депрессию. Согласитесь, и так-то тяжело терпеть поношения. Изнемогая под тяжестью обид, ты идешь за дружеской поддержкой, и что же? Тебе не только не подставляют плечо, а упреками — пусть даже справедливыми — еще больше утяжеляют бремя. К травме, нанесенной обидчиком, добавляется травма обманутых ожиданий.

Надеемся, наши читатели не из числа вышеописанных горе-советчиков, поэтому оставляем за скобками рассуждения о необходимости утешить человека, которого обидели, а также примеры тактичного указания ему на его возможные просчеты и ошибки.

Спросим лучше себя и других: почему теоретически правильный путь смирения перед обидчиком далеко не всегда на практике приводит к раскаянию оно? Только ли из-за слабости нашей молитвы? А еще подумаем над тем, что значит “прощать”.

В своем праве

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо переключить внимание на самого обидчика. И попытаться понять, идентичен ли он тому классическому варианту, который обычно описывается в святоотеческой, художественной и мемуарной литературе. Или он в чем-то другой? Конечно, в разных произведениях описаны разные характеры, времена, места и обстоятельства. Но у тех, “классических”, персонажей при всех различиях можно вычлнить одно общее свойство: способность к раскаянию. Кто-то из обидчиков раскаялся быстро, кто-то не сразу, кто-то и вовсе на последнем издыхании, расставаясь с земной жизнью. Но все-таки они раскаивались! А нераскаянный человек вос-

принимался как страшный, сверхъестественный злодей, вызывал ужас и сомнение: человек ли это вообще? Про таких говорили, что они хуже лютых зверей. А как же иначе?! Все, в том числе самые темные и неграмотные люди, знали про двух евангельских разбойников. И ад, в который попал нераскаянный, не представлялся им аллегорией.

Сейчас нераскаянность в дурных поступках и даже преступлениях стала бытовым фактом. Уж на что эмвэдэшники – люди бывалые, и то их нередко поражает полное отсутствие чувства вины у многих подростков. В том числе у совершивших особо тяжкие преступления! До них как будто не доходит смысл содеянного, хотя интеллект, по формальным показателям, не поврежден. Не будем надирать сердце читателя душераздирающими историями, которыми изобилует “желтая” пресса. Приведем всего одну. В популярной телепередаче обсуждалось убийство школьниками молодого учителя. Может, штатные свободомыслы поспешат заявить, что такие вещи были всегда, просто не предавались гласности. Но, порывшись в памяти, мы не нашли ни одного подобного случая. Хотя в советское время старались получать информацию не только и даже не столько из официальных источников: слушали иностранные “голоса”, читали “самиздат” и т. п. Теперь же подобной новостью никого особо не удивит. Вот и в передаче убийство учителя подавалось пусть не как совсем рядовое событие, но в ряду безобразий рангом ниже – избивений учителей. Тоже мы, кстати, не припомним, чтобы ученики в недавнем прошлом (даже хулиганы, имевшие приводы в милицию) поднимали руку на педагогов.

Примечательна не только тема, но и ракурс обсуждения. Речь не шла о том, что необходимо как можно быстрее покончить с атмосферой вседозволенности, которая приводит к столь чудовищным преступлениям. Нет! Дискуссия велась по вопросу, казалось бы, абсолютно не дискуссионному: надо ли наказывать убийц отправкой в колонию. Сторонник введения в России ювенальной юстиции нарколог-правозащитник О. В. Зыков настаивал на том, что не надо (правда, в передаче он такой был один). Дескать, нет смысла изолировать несовершеннолетних преступников. Этих отправите в колонию – другие найдутся. Поэтому наказывать бессмысленно.

Услышав сии гуманистические заявления, мать убитого не выдержала и рассказала, как двое соучастников убийства (главного виновника все же изолировали) издеваются над ней и над ее дочерью, сестрой покойного. Окрыленные безнаказанностью, они не только не раскаиваются в содеянном, но чувствуют себя героями, которые все сделали правильно. Они смеются в лицо несчастной женщине, глумясь, припоминают подробности убийства: как корчился ее сын в предсмертной агонии, как это было “прикольно”...

И разве только подростки? Вспомните нашумевшую в конце 90-х годов историю про бабушку, которая пыталась продать своего внука на органы. Ее показывали по телевизору, и очень многие люди потом говорили, что больше всего ужасала ее реакция. Ну да... пыталась продать... А что такого? Ну, понимала, что распотрошат... Так ведь деньги были нужны... Сейчас все крутятся, как-то выживают...

И лицо ее выражало невозмутимое спокойствие.

А в скольких вроде бы нормальных по социальному статусу семьях кто-то из членов ведет себя так, что его трудно отличить от уголовника! И при этом совершенно уверен в своей правоте!

Из телефонного разговора.

– Позовите, пожалуйста, Александра.

– Он еще не пришел с работы.

– А это его жена?

– Да.

– Здравствуйте, Катюша! Как ваши близнецы? Сколько им? Уже полгода?

Никак не выберусь на них посмотреть...

– А вы их не увидите. Я через два дня уезжаю с ними к родителям на Урал.

– Ничего, приедете – тогда и повидаемся.

– Я не приеду. Саша нас выгоняет.

– Как?

– Так. Говорит: – Убирайтесь! Это моя квартира! Мне надоел детский крик и твоя физиономия.

– Катюша, надо потерпеть. Мало ли что муж может ляпнуть сгоряча? И потом, у вас на руках два малыша. Детям, особенно мальчикам, необходим отец!

– (После паузы). Мне не очень удобно вам говорить, Саша ваш приятель... В общем, мне не хочется, чтобы первым словом моих детей стало слово из трех букв вместо слова “мама”. А по-другому Саша со мной давно не разговаривает.

Краткое примечание: Саша (имя, естественно, изменено) – крупный чиновник одного из министерств, имеющий два высших образования.

Обидчиков “в своем праве” сейчас немало и среди женщин. Тоже по формальным критериям культурных, образованных, не состоящих на учете у психиатра. Но оскорбления, которые они наносят своим близким, какие-то запредельные, отдающие психопатологией. Признаться, мы очень рады, что занимаемся детьми, потому что душа, наверно, не выдержала бы “полного погружения” в чужую семейную жизнь с теми ее сторонами, которые сегодня принято высвечивать в кабинете психолога. Но все равно приходится много чего слышать и во многое вникать. Невозможно ведь выделить сугубо детские проблемы, поскольку ребенок живет в семье и зачастую варится в обстановке родительских конфликтов, сцен, скандалов.

В последние годы (по крайней мере, в нашей практике) заметно участились случаи женского “беспредела”. Например, когда мать семейства открыто изменяет мужу, живет при этом на его содержании, унижает его в глазах детей. (“Что у вас за отец? Не мужик, а тряпка, ничтожество”). А сколько женщин сейчас, втянувшись в разгульную жизнь, спихивают детей на престарелых бабушек, которые из последних сил этих детей тянут на свои грошовые пенсии! Да еще вместо благодарности выслушивают от обнаглевших мамаш бесконечные оскорбления и претензии.

А уже привычный для слуха штамп “социальное сиротство”?! Ведь за каждым таким случаем – конкретная трагедия конкретного ребенка. И в большинстве случаев – конкретная женщина, в этой трагедии повинная. Но вина не мешает ей жить. Во всяком случае настолько, чтобы она наконец опомнилась. Кто-то из этих матерей-кукушек даже неплохо себя чувствует. В тюрьме не сидит, по помойкам не бродит, где-то работает, думает о карьерном росте и даже о будущих “детях по желанию, а не по случаю”.

Что же это стало со многими людьми? Почему они с такой легкостью делают больно (не только в переносном смысле), не раскаиваются и даже агрессивны утверждают свою правоту? Где соответствие известной кантовской формуле насчет звездного неба над нами и нравственного закона внутри нас? Попросту говоря, куда подевалась совесть? Или не подевалась, а крепко спит? Тогда чем вызван ее такой глубокий, прямо-таки смертный сон?

“Снятие стыда”

А если совсем без метафор: отчего люди не раскаиваются? Ответ вполне очевиден: они считают себя правыми. И даже когда вина налицо, все равно норовят вывернуться, переложить ее на другого, оправдать себя и свои действия. В основе этого, конечно же, лежит гордыня. Причем непомерная, нисколько не “погашенная” самокритикой. Разве я могу быть неправ? Я, такая важная птица, фигура, я сам (или я сама), self-made man, человек с двумя высшими образованиями! Я все всегда понимаю и делаю правильно! За что мне извиняться? С какой стати изменять свою позицию?

А если совесть все-таки шевельнется и подаст слабый голос: дескать, ты ведь натворил то-то и то-то, – ее быстро усыпляют вновь, растравляя собственные обиды, раздувая претензии. Но, быть может, эффективнее всего усыпляет совесть то, что в злополучных секс-просветовских программах именовалось “снятием стыда”. (Один из первых уроков был прямо назван “уроком по снятию стыда”.)

Стыдливость – это вообще нечто особое. Не просто одно из человеческих свойств, которое может наличествовать, а может отсутствовать, как, например, ловкость, отвага или музыкальный слух. Стыд – самое первое чувство, которое испытали наши праотцы после грехопадения.

“До того люди жили в раю, как ангелы, – пишет св. Иоанн Златоуст, – не разжигались похотию, не распалились и другими страстями, не обременялись

нуждами телесными, но, будучи созданными вполне нетленными и бессмертными, не нуждались даже в прикрытии одеждо...” (“Беседы на книгу Бытия”, XV, 4, стр. 123–124).

Они жили в полном согласии с волей Божией, и, по словам о. Серафима (Роуза), “их умы были направлены в первую очередь на славу горнего мира” (“Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди”, Братство Преподобного Германа Аляскинского, Платина, Калифорния, Валаамское общество Америки. М., 2004, стр. 190).

“Доколе не превзошел грех и преслушание, они были облечены вышнюю славою, потому и не стыдились, — продолжает св. Иоанн Златоуст, — после же нарушения заповеди произошел и стыд, и сознание наготы” (“Беседы на книгу Бытия”, XV, 4, стр. 124).

Значит, стыд — это первая естественная реакция падшего, но до конца еще не поврежденного человека, на грех! Ответ души на укор совести, которую принято считать голосом Бога в человеке. Но ведь ответить можно по-разному: например, отрицать свою вину, как потом пытался сделать Адам. А можно даже возмущаться обвинением, утверждая, что содеянное есть не грех, а доблесть. Следовательно, стыд не просто ответ, а ответ покаянный. Вот как формулирует это в своем “Толковом словаре” В. Даль: “Стыд — чувство или внутреннее сознание предосудительности, уничиженье, самоосуждение, раскаяние и смирение, внутренняя исповедь перед совестью”. И мы, потомки Адама и Евы, унаследовали от них не только “кожаные ризы”, но и реакцию стыда.

Причем интимный стыд (у св. Иоанна Златоуста “сознание наготы”, а у В. Даля “срамота наготы”) возник сразу же после грехопадения. Как только Адам и Ева вкусили запретный плод, “открылись глаза у них обоих и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания” (Быт. 3:7). То есть можно сказать, что интимный стыд заложен в самом ядре личности, в самой сердцевине человека. И разрушение этого “ядерного” стыда неизбежно влечет за собой бесстыдство в более широком смысле слова. Ведь нельзя разрушить ядро, не затронув прилегающих к нему оболочек. И с другой стороны, нарушение морально-этических норм, не связанное с половой моралью, может, в конечном итоге, привести к бесстыдству и в сфере интимной, ибо, разрушая оболочки, есть большой риск повредить ядро.

К примеру, подростковое вранье обычно связано с желанием без лишнего шума преступить родительские запреты. А что запрещают в этом возрасте родители? Прогуливать школу, курить, пить, потреблять наркотики — в общем, вести асоциальный образ жизни. Соответственно, привыкнув к беззастенчивому вранью (конечно, при условии, что тайное не становится явным и все ему сходит с рук), подросток втягивается в разгульную жизнь, которая часто — и весьма быстро! — приводит к половой распущенности, так что об интимном стыде речь уже не идет.

Стыд — своего рода болевой ограничитель. Он подсказывает человеку: “Не делай (или не признайся) того-то, не ходи туда-то, иначе будет больно. Не физически, так морально”. Человеку с неповрежденным нравственным чувством прежде всего бывает стыдно, совестно перед Богом, ведь Бог все видит, Его не обманешь, от Него ничего невозможно скрыть. Стыдно и перед людьми, и перед самим собой.

Но про Бога в большинстве семей сейчас не говорят. Что касается стыда перед людьми, то масс-культура заклеила это чувство позором. “Наплюй на мнение окружающих! Будь свободен! Главное, чтобы тебе нравилось. Все равно всем не угодишь. Ни о чем не жалеи!”, — примерно в таком ключе предлагается мыслить, чувствовать и вести себя “человеку без комплексов”. Интимный стыд вообще стараются вырвать с корнем, провозгласив лозунг “Что естественно — то не стыдно” и подкрепляя его навязчивыми сравнениями человека с животными.

Чувство вины и психотерапия

А про чувство вины многие современные психологи, особенно ориентированные на психоанализ, говорят, что оно вредно, деструктивно, оказывает резко отрицательное влияние на психику. Для усиления картины обычно рисуется образ глубокого невротика, “закомплексованного” существа, которое,

как пишет известный американский психолог Алан Фромм, “то и дело проверяет, выключен ли газ, часто моет руки, спешит освободить пепельницу от окурков, едва они появляются в ней, без конца наводит порядок в квартире, часто что-то трогает и теребит – все это признаки (если они непрерывно повторяются) рабской зависимости от привычек, невольно возникших у него в условиях дискомфорта и напряжения. Бесспорно, значительная доля этого напряжения порождена именно комплексом вины, даже если мы и не связываем поведение человека с этим понятием”. Автор предупреждает: “Комплекс вины может помешать ребенку получать максимум удовольствия от жизни” (“Азбука для родителей”. М., “Знание”, 1994, стр. 115, 117).

При таком подходе от чувства вины, разумеется, надо избавляться, что и пытаются делать при помощи различных приемов и методик. Причем, когда дело доходит до разбора конкретных ситуаций, нередко выясняется, что речь идет не только о невротиках, но практически обо всех людях, поскольку у каждого есть якобы “свой скелет в шкафу”.

Чтобы не показаться голословными, приведем пару цитат из статьи “Чувство вины” психотерапевта и психоаналитика Н. Нарицына, поскольку в ней выражен именно такой, в настоящее время весьма распространенный подход к проблеме. “Чувство вины – очень непродуктивное и вредное, – пишет доктор, – оно заставляет застревать в прошлом, ругать себя за уже совершенные ошибки – но никак не анализировать их и не пытаться исправить ситуацию”. Дальше, в подглавке “Вина” после смерти близкого человека, читаем: “Здесь возникает, если можно так выразиться, целый букет разновидностей чувства вины. И переживания, что ты сам косвенно виновен в смерти (к примеру, плохо ухаживал за больным); и страдания, что перед смертью вы не смогли прийти и попрощаться “как следует”; и особенно гнетущее чувство возникает после самоубийства близкого человека – особенно если он в последней записке впрямую вас обвинил... А на самом деле вашей вины ни в каком случае нет. У вас же не было умысла убивать, да вы даже бессознательно не желали этой смерти – особенно если не пришли попрощаться: ведь вы и не подумали, что человек может умереть, более того, в глубине души были уверены, что с ним будет все в порядке... И даже если вы в сердцах пожелали кому-то, извините, “Чтоб ты сдох”, а назавтра этот человек попал под машину или у него случился инсульт – вам тоже не в чем себя винить. Разве вы Господь Бог, что люди умирают только по вашему желанию? Кстати, о Боге. Уже много лет тянется конфликт священников и психоаналитиков. Потому что психоанализ признает, что никакие мысли, в том числе и подспудное желание кому-то смерти, не являются проступком, а священники считают, что даже мысли могут быть грехом. Да, обществу в целом нужна такая догма о греховности мысли и соответствующее чувство вины – хотя бы потому, что у некоторых людей от мысли до действия один шаг (и этот шаг может быть сделан даже бессознательно). Но с точки зрения биологии, человеку бессознательно чуть ли не должно хотеться тех или иных вещей, направленных на его приземленное, животное благо, – в том числе и смерти того, кто стоит у этого блага на пути. И задача психоаналитика – помочь человеку избавиться от чувства вины за эти мысли, а также помочь найти выход из проблемы, которая такие мысли вызвала. Но при этом выход должен осуществляться обязательно социально приемлемыми методами!” (<http://www.naritsyn.ru/read/all/azbuka/vina/htm>).

Конечно, с чувством вины дела и впрямь обстоят непросто. Человек действительно может на нем застрять, вновь и вновь растравляя тягостные воспоминания о своем греховном поступке. И это целиком поглотит его душевные силы, ввергнет в уныние, которое, как известно, не заурядный грех, а один из семи страшных смертных грехов. Поверженный, обессиленный унынием человек уже не может подняться, встать на путь исправления. Он либо заикнется, будет ходить по кругу, либо вообще свалится в пропасть отчаяния. Но и самооправдание вкупе с осуждением “комплекса вины” не выход.

Выход только в покаянии. Оно – путь по восходящей. Чувство вины в нем не конечный, а промежуточный пункт. Вначале укор совести, потом – ответ стыда, потом – осознание вины, ведущее к раскаянию, поиску выхода и исправлению. Пройдя путь, человек помнит важнейшие его этапы, но эта память не парализует его, а, наоборот, помогает избежать повторного греха.

Однако сегодня гораздо актуальней, как нам кажется, не застревание на своей вине, а напротив, ее нечувствие. Что и является предметом нашего

разговора. Так все-таки, надо ли дожидаться, чтобы человек раскаялся, попросил прощения? И вообще, если можно так выразиться, что значит “правильно простить”?

Ответ на этот (как и на все остальные жизненно важные вопросы) мы находим в Священном Писании. В данном случае естественно обратиться к уже упомянутой нами в начале статьи евангельской притче о блудном сыне. Сейчас ее вспоминают особенно часто. Что неудивительно в эпоху, когда народ, ушедший в “страну далече” и хлебнувший горя, возвращается в Отчий дом. То есть притча эта как нельзя более современна. Современны и акценты, которые расставляются в ее трактовке. Упор сегодня делают на поведении отца. Издали узрев сына, он бросился ему навстречу и заключил в объятия. В этом видят назидание родителям. Отец не дожидался, пока сын повинится, а простил сразу. Образ отца ключевой и в призывах прийти к Богу, который любит, всегда ждет и все простит. И это, бесспорно, так.

Но под влиянием современного секулярного гуманизма, ставящего права ребенка над правами взрослых и вообще стремящегося разрушить традиционную иерархию, из поля зрения как-то выпадает другой, не менее важный аспект притчи. Отец не знал, что вернувшийся сын уже и не претендует на сыновство, а готов быть в родном доме слугой. Но в той реальности сам факт появления блудного сына у дома отца означал приход с повинной. Власть и авторитет отца в древнеиудейском мире были огромными. Разгневанный отец мог прогнать дерзкого отпрыска с глаз долой, и тому даже в голову не приходило говорить, что он тут прописан. (Впрочем, и прописки никакой не было.) За злословие отца предписывалась страшная кара (“смертию да умрет”). В этих условиях затребовать свою долю наследства при еще живом отце было, вероятно, неслыханной наглостью, если даже сейчас, во времена куда менее патриархальные, это не принято. И то, что отец был оскорблен до глубины души, явствует из слов, сказанных старшему сыну о младшем, что тот для него “мертв был”. И ожить в глазах отца он мог, только глубоко раскаявшись и ни на что не претендуя. (Текст притчи это подтверждает.)

Так что, завидев сына издали, отец уже знал, с чем тот пришел. Знал, что он, отец, не будет еще раз унижен, что сын явился не качать права, а вымаливать пощады. И действительно услышал: “Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим” (Лк. 15:21). Он тоже знал порядок. Хотя отец заключил его в объятия, не дожидаясь слов раскаяния, сын, тем не менее, их произнес.

Главное же, повторяем, — сын получил прощение отца не до покаяния, а после, так как покался уже самим фактом своего прихода.

Так и Господь ждет нас до последней минуты нашей жизни, но ждет не просто, а с покаянием. О чем недвусмысленно свидетельствует притча о двух разбойниках.

Доброта вредит нераскаянному человеку

Но как же тогда быть с одним из главных императивов христианской этики, которая велит нам прощать обидчика? Помните “Древний Патерик”? Старца спросили: “Что такое смирение?” Старец ответил: “Когда согрешит против тебя брат твой, и ты простишь ему прежде, нежели он пред тобою раскается”.

Но ведь простить — не значит попускать и, тем более, потакать, не значит вести себя с “согрешившим братом”, будто все в порядке! Другое дело — и, наверное, это имел в виду старец, — не держать в сердце зла, не мстить, не растравлять душу обидой. Настроиться на такой лад бывает нелегко. Порой требуются неимоверные усилия.

Вопросы, которые возникают в связи с темой прощения, были заданы монахинями женского монастыря в Салониках старцу Паисию Святогорцу. Ответ, который он дал, кажется нам очень глубоким и максимально созвучным особенностям сегодняшнего времени.

“— Геронда, — <спросили старца>, — а если бесстыдный человек, когда к нему проявляют участие, становится еще более бесстыдным, то как ему помочь?”

— Я тебе вот что скажу: если я вижу, что мое участие, доброта, любовь не идут человеку на пользу, то я решаю, что не имею близости с этим человеком и бываю вынужден уже не вести себя по отношению к нему с добротой. По

[духовному] закону, чем с большей добротой ведут себя по отношению к тебе, тем больше ты должен изменяться, рассыпаться в прах, таять, подобно свече. Как-то раз я познакомился с одним человеком и в начале нашего знакомства, желая ему помочь, рассказал ему о некоторых пережитых мной божественных событиях. Однако вместо того чтобы поблагодарить Бога: “Боже, как мне тебя благодарить за это утешение...” — и повергнуться в прах от благодарности, этот человек дал себе волю и стал вести себя с наглостью. Тогда я занял по отношению к нему строгую позицию. “Я помогу ему издали, молитвой”, — решил я. И поступил так не потому, что не любил этого человека, а потому что такой образ поведения был ему на пользу.

— Геронда, а если человек поймет свою ошибку и попросит прощения?

— Если он ее поймет — дело другое. <...> Если у человека есть любочестие, смирение и нет наглости, то и ты по отношению к нему ведешь себя просто. Со всеми людьми я вначале веду себя с радушием и простотой. Я всецело отдаю себя другому, чтобы он получил помощь, чтобы дать возможность развиваться для [создавшейся между нами] атмосферы любви. <...> Однако если вижу, что этот человек не ценит [моей любви к нему] и не получает от моего поведения пользы, но, играя на моей простоте... начинает вести себя нагло, то потихоньку отхожу от него, чтобы он не стал еще более наглым. Но вначале я отдаю себя человеку всецело, и поэтому моя совесть остается спокойной. <...>

— Геронда, помню, как-то Вы меня так отругали...

— Если понадобится, я тебя еще раз отругаю, чтобы мы все вместе пошли в Рай. Но уж на этот раз я приму драконовые меры!.. Ведь у меня какой типикон: сперва даю человеку понять, что он нуждается в том, чтобы его отругали, а уже потом снимаю с него стружку. Правда, хороший метод? Я вижу, как человек совершает какой-нибудь серьезный проступок, ругаю его за это и — понятное дело — становлюсь “злюкой”. Но что я могу поделать? Успокаивать каждого в его страсти, чтобы казаться добреньким, а потом всей честной компанией оказаться в аду? Когда человек, которого я отругал или же сделал замечание, расстраивается, то меня за это никогда не мучает совесть, потому что я ругаю человека от любви к нему, для его же собственного блага. Я вижу, что человек не понимает, насколько он ранил Христа тем, что сделал, и поэтому ругаю его. Ругая человека, я испытываю боль, переутомляюсь, однако моя совесть не мучает меня за это” (Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. “Слова”, т. III, стр. 322–324) .

Но — об этом тоже говорит старец Паисий — к каждому человеку должен быть индивидуальный подход.

“Что я, по-вашему, скажу человеку, видя, что его душа [чрезмерно] чувствительна или что она находится в потрясении от осознания своего греха? В этом случае я утешаю человека, чтобы он не впал в отчаяние. Однако, видя, что сердце человека жестко, как камень, я говорю с ним строго, чтобы расшатать этот камень и сдвинуть его с места. Ведь если, видя идущего к пропасти, я буду говорить ему: “Иди-иди, ты на очень верном пути”, разве это не будет преступлением с моей стороны?” (там же, стр. 325).

А вот и прямо по теме прощения неустыдившегося обидчика: “К примеру, ты делаешь мне какое-то зло, и я тебя прощаю. Ты снова делаешь мне еще какое-то зло, я снова тебя прощаю. У меня-то все в порядке, но если ты не исправляешься от того, что я тебя прощаю, то твоё состояние очень тяжелое. Другое дело, если ты [хочешь исправиться], но не можешь сделать это до конца. Однако ты должна постараться исправиться, насколько возможно. Ты не должна успокаивать свой помысл и говорить: “Раз он меня прощает, то у меня все замечательно, и нет повода для беспокойства. Расстраиваться не нужно”. Человек может грешить, однако, когда он кается, плачет, с сокрушением просит прощения, хочет исправиться, тогда у него есть осознание греха, и духовник должен его прощать. А вот если человек не кается и продолжает свою тактику, то тот, кто несет ответственность за его душу, не может относиться к этому несерьезно, со смехом. Д о б р о т а в р е д и т н е р а с к а я н н о м у ч е л о в е к у” (там же, стр. 325; разрядка наша. — Авт.).

Такой подход, как нам кажется, очень многое проясняет. В наше время, когда хамство и наглость утверждаются не только свою безнаказанность, но и правоту, мало кто отваживается столь определенно противостоять этому именно с позиций Православия. “Доброта вредит нераскаянному человеку”...

Хорошо, что это сказал старец Паисий. Его уж никак не упрекнешь в отсутствии истинной доброты и христианского смирения.

А в основе отношения к нераскаянному человеку (то есть к уверенному в своей правоте хаму!), которое предлагает современный либеральный гуманизм, лежит эгоистическое равнодушие. Оно, хоть и надевает на себя личину христианской любви, достаточно легко опознается по стилистике — испугленно-патетичной или слащаво-умильной.

И Господь отходит от нераскаянного грешника. О чем напоминает все та же притча о блудном сыне. Хотя отец в душе, конечно, любил и жалел его, но не искал “в стране далече” и не оказывал материальной поддержки, так как сыну в том нераскаянном состоянии она была бы во зло, а не во благо. Кстати, в Евангелии от Луки на две главы позже о правильном отношении к обидчику говорится прямо: “Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если раскается, прости ему” (Лк. 17:3; разрядка наша. — **Авт.**). Значит, неустанно, “до седмижды семи” прощай, если он, в свою очередь, столь же многократно готов раскаиваться, приходите с повинной.

Преподобномученица великая княгиня Елизавета Федоровна явила пример величайшего прощения, придя к убийце своего мужа спросить, не обидел ли князь его чем-нибудь. Но увидев нераскаянность террориста, отошла от него и, вероятно, помогала ему, как и старец Паисий своим врагам, издав лека молитвой, а не делала вид, что ничего не случилось, еще больше утверждая убийцу в сознании его правоты.

Ну а помогут ли молитвы обидчику раскаяться, и насколько “эффективно” кто молится, судить не нам. Это не как в классическом американском кино, где усилия положительного героя непременно венчает happy end. Если уж святые не всех вымаливали, если Самого Христа Иуда предал и не раскался, значит, не такая тут простая арифметика.

Людям же, которые, рассуждая о христианском всепрощении, не защищают обидимых и не призывают обидчиков к покаянию, необходимо, на наш взгляд, прежде всего потренироваться прощать своих личных врагов. А то нередко наблюдаешь странную (или, наоборот, естественную?) закономерность: такие “всепрошенцы” с легкостью готовы простить любые оскорбления, издевательства и даже злодейства — но только по отношению к другим. А вот за мельчайшие личные обиды они мстят с истинно ветхозаветной беспощадностью.